

Опубликовано: *Русинова И.И., Богачева М.В.* Фитонимическая лексика говоров Пермской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2000. СПб.: Наука, 2003. С. 116-127.

И.И.Русинова, М.В.Богачева

ФИТОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ГОВОРОВ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ

В последние годы значительно вырос интерес лингвистов к изучению диалектной лексики отдельных ареалов, что, в частности, связано с осуществлением такого глобального по своим масштабам научного проекта, как “Лексический атлас русских народных говоров”.

В настоящей публикации представлены результаты анализа лексических материалов, полученных в ходе обследования говоров Пермской области по Программе собирания сведений для ЛАРНГ. В качестве материала исследования привлечена лексика, входящая в тематическое поле “Природа”, тематическую группу “Растительный мир”, главным образом в лексико-тематическую группу “Дикорастущие травы, ягоды”. Всего изучено около 500 лексем.

Источником послужил языковой материал, собранный в процессе непосредственного общения с носителями говоров, т.е. слова, зафиксированные в *живой народной речи* сельских жителей Верхнего и Нижнего Прикамья. Таким образом, диалектная лексика показана в синхронном плане и языковые факты не выходят за пределы жизни одного поколения. При сборе лексического материала наблюдение велось лишь над речью представителей старшего поколения — людей в возрасте 60-70 лет. При этом фиксировались не только факты, находящиеся в активном словарном запасе говорящих, но и слова, относящиеся к пассивному словарю, которыми носители говора пользуются лишь в беседах, воспоминаниях о прошлом.

Для наблюдения были выбраны следующие населенные пункты: с. Барда Бардинского района (**Бард.**)¹; д. Кляпово, с. Таз Русский Березовского района (**Берез.**); д. Кукеты Верещагинского района (**Верещ.**); д. Заборье, д. Кулигино, д. Никулино Добрянского района (**Добр.**); с. Сretenское Ильинского района (**Ильин.**); д. Сидоры Карагайского района (**Караг.**); д. Акчим Красновишерского района (**Красн.**); д. Семичи Краснокамского района (**Краснок.**); д. Узяр, пос. Куеда Куединского района (**Куед.**); д. Кочебахтино, с. Зарубино, с. Кыласово Кунгурского района (**Кунг.**); пос. Кормовище Лысьвенского района (**Лысьв.**); д. Зайцы, д. Новоильинск Нытвинского района (**Нытв.**); с. Алтынное, д. Зуевка, с. Русский Сарс Октябрьского района (**Окт.**); д. Монастырка, д. Нижняя Чермода Осинского района (**Осин.**); д. Киприно, с. Павловское Очерского района (**Очер.**); пос. Сылва Пермского района (**Перм.**); пос. Семьино Соликамского района (**Солик.**); д. Осинцево Суксунского района (**Сукс.**); с. Романово Усольского района (**Усол.**); д. Сосново, д. Ольховка Чайковского района (**Чайк.**); с. Частые Частинского района (**Част.**); д. Кольчуг, с. Покча Чердынского района (**Черд.**); с. Ермия, д. Трушники Чернушинского района (**Черн.**); д. Кукольная Юрлинского района (**Юрлин.**).

В публикации привлекаются материалы дипломных работ выпускниц Пермского государственного университета Л.М.Брызгаловой “Фитонимическая лексика северных и южных говоров Пермской области” (Пермь, 2002) и М.А.Новокшеновой “Фитонимическая лексика со значением цвета в пермских говорах” (Пермь, 2002).

Предмет исследования (народная фитонимика), несомненно, заслуживает самого пристального внимания, ибо “это одна из древнейших лексических микросистем, в которой закреплён опыт практического и культурно-мифологического освоения мира растений как части окружающей человека природы” [2, с. 4].

Данная группа (дикорастущие травы и ягоды) составляет значительный пласт фитонимической лексики, и это не случайно, так как травы имеют большое практическое значение в жизни человека: употребляются в быту, в лечебных целях, в пищу, на корм скоту, связаны с культурными представлениями и религиозными обрядами, календарными праздниками и культурно-бытовыми ритуалами и традициями и т.д. Все это предопределяет широкий денотативный диапазон названий данной группы. Применительно к фитонимии не будет преувеличением сказать, что исследуемая проблема имеет серьёзное научное значение, поскольку в настоящее время этот разряд представлен явно недостаточно, причем как в количественном, так и в качественном отношении.

Прежде всего анализируемый материал можно охарактеризовать с точки зрения сферы употребления языковых единиц. На данном основании выделяются две группы — общерусские лексемы (нашедшие отражение в словарях русского литературного языка типа БАС², МАС³) и территориально ограниченные лексемы (отмеченные в диалектных словарях). Среди последних выделим общерусские диалектные слова (зафиксированные в “Словаре русских народных говоров”) и собственно пермские лексемы, т.е. регионализмы.

С этих позиций фитонимия говоров Пермской области представлена следующим образом:

- общерусские лексемы зафиксированы в количестве 67,7%. Данная группа представлена, например, такими лексемами литературного языка: *сорня'к* ‘сорная трава’ (Усол.), *девясил'л* (Красн., Солик.,

¹ В скобках указано сокращение, принятое в тексте.

² Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти тт. М., 1948-1965.

³ Словарь русского языка. В 4-х тт. М.: Русский язык, 1981-1984.

- Усол.), *зверобо'й* (Красн., Солик., Усол.), *кле'вер* (Усол., все южные районы), *колоко'льчик* (Красн., Усол.), *конопля'* (Усол.), *крапи'ва* (Красн., Усол.), *лопу'х* (Красн., Усол.), *одува'нчик* (Черд., Усол.), *полы'нь* (Усол.), *рома'шка* (Солик., Усол.), *ща'вель* (Солик., Усол.), *колю'чка* 'колючая трава' (Кунг., Сукс., Осин., Чайк., Черн., Окт., Куед.), *василёк* (все рассматриваемые районы) и т.д.;
- общерусские диалектные лексемы составляют меньшую часть фитонимов — 14,9%. Приведем примеры таких слов: *ка'шка* 'клевер' (Черд., Солик., Усол., Кунг., Бард., Чайк., Черн., Окт., Куед.), *лопу'шина* 'лопух' (Усол.), *кобы'льник* 'полынь' (Черд.), *белогла'зка*, *белоголо'вник* 'ромашка' (Красн., Черд., Кунг.), *ки'слица* 'шавель' (Красн., Усол., Кунг., Сукс., Осин., Чайк., Окт.), *моча'жсина* 'трава, растущая на болоте' (Черд.), *болоти'на* 'трава, растущая на болоте' (Кунг.), *берёзка* 'колокольчик' (Черн.), *троели'стник* 'клевер' (Черн.), *жгу'чка* 'крапива' (Черд., Куед.), *крова'вник* 'девысил' (Кунг.);
 - в круг собственно пермских лексем входит 17,4% анализируемых единиц. В их числе можно выделить следующие подгруппы:
 - а) собственно диалектные лексемы (слова, корни которых не зафиксированы в литературном языке), в том числе: *галья'н* 'болотная трава' (Красн.), *ба'жня* 'болотная трава' (Черд.), *шашаба'ра* 'репей' (Усол.);
 - б) лексические диалектизмы (слова, имеющие корни, аналогичные общерусским или общерусским диалектным), например: *медови'к*, *медуни'чник* 'клевер' (Черд.), *о'рлик* 'колокольчик' (Черд.), *ожа'льник* 'крапива' (Черд.), *лепи'ха*, *лепу'ха* 'репей' (Черд.), *молока'н* 'молочай' (Солик.), *горча'ница* 'полынь' (Солик.), *же'гало* 'крапива' (Черд.), *дуря'нка* 'сорная трава' (Куед.), *были'тник* 'сорная трава' (Сукс.), *свино'вник*, *свиная'чь ра'дость* 'молочай' (Куед.), *ко'чень* 'репей' (Кунг.), *семижи'льник* 'подорожник' (Черн.), *бога'тка* 'девысил' (Черд.), *коното'п* 'подорожник' (Сукс.), *жабре'й* 'колючая трава' (Окт.), *жи'галка* 'крапива' (Черн.), *ожи'га* 'крипва' (Куед.);
 - в) семантические диалектизмы (слова, ничем не отличающиеся в своем оформлении от слов литературного языка, но имеющие в говоре особое значение), к примеру: *балабо'лка* 'колокольчик' (Черд.), *ба'бушка* 'ромашка' (Черд.).

Тем самым можно отметить, что во многих ответах на вопросы Программы ЛАРНГ использована литературная лексика. Причиной отсутствия диалектного эквивалента названия определенной реалии может быть утрата диалектного слова или переход его в пассивный лексический запас.

Богатство привлеченного материала нашло отражение в способах номинации фитонимов, в многообразии мотивационных признаков, лежащих в основе наименования объекта.

Как известно, различают первичные и вторичные процессы номинации. Первичные процессы номинации крайне редки в современных языках. Результаты первичной номинации ("немотивированные лексемы") воспринимаются носителями языка как первообразные.

В отличие от современного литературного языка, в народной речи немотивированных слов количественно больше. В настоящем случае известный интерес вызывает то, что в Верхнем Прикамье количество первичных наименований выше — 14%, в то время как в Нижнем Прикамье их число составляет лишь 4%. Считаем, что это прямо связано с другим фактом: в северной части Пермской области отмечено 44,7% диалектизмов, в южной же — только 19,9%.

В рассматриваемом языковом материале немотивированная лексика представлена как общерусскими словами, так и диалектными. К числу общерусских относятся, например: *осо'ка*, *василёк*, *кле'вер*, *крапи'ва*, *ла'ндыш*, *лопу'х*, *репе'йник*, *полы'нь*, *рома'шка*, *ща'вель*. Как диалектные первичные наименования можно отметить следующие лексемы: *галья'н* 'болотная трава' (Красн.), *ба'жня*, *коробе'йка* 'сорная трава' (Черд.), *му'сник* 'клевер' (Красн.), *по'сконь* 'конопля' (Солик., Сукс., Чайк.), *шашаба'ра* 'лопух' (Усол.), *буды'льник* 'полынь' (Черд.), *стрека'шина* 'крапива' (Солик.), *жабре'й* 'колючая трава' (Окт.), *гага'рник* 'колючая трава' (Сукс.), *ура'зница* 'зверобой' (Сукс., Окт.).

Особенность таких слов в том, что производность подобных наименований может быть раскрыта только при этимологическом или историческом анализе. Например, слово *шашабара* связано со словом "шишебарник" в том же значении ('лопух, репей'), в основе которого лежат лексемы *шиш* 'бес' и *бара* 'борьба'. В конечном итоге выясняется, что данная лексема была мотивирована старинным поверьем, согласно которому это растение отпугивает нечистую силу, "чертей полошит" [2, с. 211] (сравните еще одно, известное название этого растения — *чертополох*).

Название *лопух* восходит к древнерусскому *лоп* 'лист' [2, с. 126].

Обращаясь к словарю, узнаем, что название растения *зверобой* связано с народными поверьями: "старик считали, что зверобой охраняет от нападения диких зверей" [3, с. 64].

В числе исследуемых фитонимов встретилось слово *стрека'шина* 'крапива'. Обратившись к словарю В.И.Даля, обнаруживаем: *стреца'ти* 'жечь, колоть, жалить' [4, с. 571]. Тем самым проясняется значение слова *стрекашина*, в основе которого лежит сема "жалить, жечь".

Можно отметить сравнительно малое количество слов с затемненной внутренней формой. Замечено, "что слова, ясные в словообразовательном и этимологическом отношении, при прочих равных условиях (степень употребительности, характер предметной соотнесенности и прочее) легче воспринимаются и воспроизводятся, прочнее удерживаются в памяти, нежели слова, лишённые мотивации" [5, с. 126]. Не случайно поэтому, что

значительное количество фитонимов представляет собой лексемы с прозрачной внутренней формой. Обращаясь к их изучению, можно уверенно говорить о способах номинации таких лексических единиц и, соответственно, о мотивировочных признаках, лежащих в основе номинирования.

Исследуемые фитонимы подчиняются известным уже законам наименования реалий. Зафиксированные названия отвечают двум способам номинации — прямому и опосредованному.

Опосредованный способ, как известно, основан на метафорическом переносе (ср.: *огонёк* ‘одуванчик’ Солик.), либо метонимическом переносе (ср.: *дуря́нка* ‘сорная трава, растущая на болоте’ Куед.). Опосредованный способ представлен в наименованиях, образованных на основе определенного характеризующего принципа при передаче всех входящих сюда мотивировочных признаков: цвета (*огонёк*), формы (*колокольчик*) и т.д.

В целом необходимо отметить, что в семантической структуре фитонимов нередко просвечивают *отношения подобия*, то есть актуализируется признак сходства с различными реалиями внешнего мира, а именно: с деревьями (*берёзка* ‘колокольчик’, Осин.); с предметами домашнего обихода (*котелки* ‘колокольчик’, Черд.); с человеком, причем в качестве мотивирующих используются термины родства (*бабушка* ‘ромашка’, Черд.), либо социальная лексика (*поповник* ‘ромашка’, Черд.), либо этническая лексика (*тотарник* ‘репей’, Усол.), либо антропонимическая (*васили́ски, васю́тка* ‘василёк’, Сукс.). К числу метонимических можно отнести, например, наименование *неве́ста* ‘черемуха’, в котором таким, опосредующим способ актуализируется оттенок соцветий данного растения. Подобное явление: в основе номинации *колокольчика* через лексемы *зво́нник* (Солик.) и *зво́нчик* (Сукс.) лежит перенос по ассоциации с функцией предмета, на который внешне похож цветок.

Следует признать, однако, что в исследуемой фитонимической лексике образных названий растений сравнительно немного, так как образность в известной степени затруднила бы идентификацию растения и, вследствие этого, возможность правильного его использования.

Прямой способ номинации отличен в определенном соотносительном принципе, поскольку уже в ходе номинации устанавливаются отношения между предметами и перенос по сходству, ассоциации уже излишен (ср.: ‘ромашка’ — *белоголо́вик, белоце́т, щавель* — *ки́слица*).

В ряде примеров при одинаковом мотивационном признаке используются различные способы номинации, допустим: ‘одуванчик’ — *желтоголо́вик* (прямой способ) и *огонёк* (опосредованный способ).

Обращение к привлеченному материалу позволяет выделить основные мотивировочные признаки, лежащие в основе номинации фитонимов, функционирующих в говорах Пермской области. К их числу относятся следующие признаки:

- 1) цвет: *голубе́ц* ‘василёк’ (Черд.), *желтоголо́вик* ‘одуванчик’ (Красн.), *белоголо́вник* ‘ромашка’ (Красн.), *золота́рник* ‘девясил’ (Черд.), *синегла́зка* ‘василёк’ (Кунг.), *гори́цевт* ‘девясил’ (Окт.). В основе номинации может лежать не только признак “оттенок соцветий” (как в приведенных выше примерах), но и признак “цвет корней растения”: *краснокорёнка* ‘зверобой’ (Усол.), *белоко́рка* ‘полюнь’ (Черд.), *ро́зовка* ‘зверобой’ (Куед.);
- 2) форма листьев или соцветий: *троели́стник* ‘клевер’ (Черн.), *колоко́лец* ‘колокольчик’ (Красн., Черд., Усол., Кунг., Осин., Бард., Чайк., Черн., Окт., Куед.), *семи́жи́льник* ‘подорожник’⁴ (Черн.);
- 3) функция или свойства травы, например:
 - а) свойство травы быть медоносом: *медови́к, медуни́чник* ‘клевер’ (Черн.);
 - б) свойство травы выделять на изломе сок белого цвета, похожий на молоко: *молока́н, молоча́жник* ‘молочай’ (во всех рассматриваемых районах);
 - в) охранительная функция растения: *зверобо́й* ‘по суеверным представлениям — трава, предохраняющая от нападения животных’;
- 4) вкус травы: *горчани́ца* ‘полюнь’ (Солик.), *ки́слица* ‘щавель’ (Красн., Усол., Кунг., Осин., Сукс., Чайк., Окт.);
- 5) физическое воздействие травы: *колю́чка* ‘колючая трава’ (Кунг., Сукс., Осин., Чайк., Черн., Окт., Куед., Солик.), *жгу́чка* ‘крапива’ (Черн., Куед., Черд.), *липу́чка* ‘репей’ (Куед., Солик.);
- 6) лечебные свойства травы: *крова́вник* ‘девясил’ (Кунг., Черд.), *кровохлёбка* ‘девясил’ (Кунг.), *пупо́вник* ‘подорожник’ (Красн.), *грудни́ца* ‘полюнь’ (Кунг.), *поя́сничная трава* ‘ромашка’ (Красн.), *здоровая трава, трава от 99 болезней* ‘зверобой’ (Кунг.);
- 7) способ распространения травы или ее семян, для примера:
 - а) названия растения *одуванчик*: *одува́нчик* (все районы), *липу́чка* (Черн.), *пустоду́й* (Сукс.), *ветоду́й* (Куед.), *дува́нчик* (Кунг.);
 - б) названия растения *репейник*⁵: *лепи́ха, лепу́ха, подлепу́ха* (Черд.), *липу́чка* (Куед.);
- 8) место произрастания: *пусты́рник* ‘колючая трава’ (Черд.), *подоро́жник* (Черд., Кунг., Осин., Бард., Чайк., Черн., Окт., Куед.), *боло́тница* ‘трава, растущая на болоте’ (Кунг., Осин., Черн.);
- 9) действие, оказываемое на траву: *топтоте́л* ‘подорожник’ (Усол.), *коното́н* ‘подорожник’ (Сукс.);

⁴ Лист подорожника имеет семь жилок — тонких линий, делящих лист на части.

⁵ Семена этого растения, собранные в головки, легко цепляются за одежду человека, шерсть животного и, таким образом, распространяются.

- 10) принадлежность животному, для которого растение служит кормом, например: *кони'шник* 'клевер' (Черд.), *кобы'льник* 'полынь' (Черд.), *кобыля'к* 'щавель' (Черд.), *заячья ки'слица* 'щавель' (Красн.), *заячья капуста* 'щавель' (Окт.), *свино'вник*, *свиньячья радость* 'молочай' (Куед.).

Рассмотренные случаи номинации, без сомнения, свидетельствуют о том, насколько важен для диалектоносителя фактор осознания живой внутренней формы слова. Данный факт находит прямое выражение в стремлении носителей говора употреблять слова, мотивировочный признак которых отличается конкретностью и наглядностью.

Следует отметить, что в ряде случаев фиксируется явление номинации одной реалемы на основе различных мотивационных признаков, ср.: 'ромашка' — *белоцве'т* (по оттенку соцветий) и *поя'сничная трава* (по лекарственному свойству); 'полынь' — *горча'ница* (по вкусу) и *грудни'ца* (по лекарственному свойству).

Другое явление — различие мотивирующего слова при совпадении мотивирующего признака, например: 'крапива' — *жгу'чка* и *стрека'шина*.

Нередки случаи манифестации одной и той же реалемы разными лексемами. Так, в говорах севера Пермской области *клевер* имеет названия: *му'сник*, *ка'шка*, *кони'шник*, *ку'коль*, *медови'к*, *медуни'чник*; *девясил* называют внутри одного говора: *золота'рник*, *бога'тка*, *девятиси'л* (Черд.).

Случаи лексической омонимии не зафиксированы, хотя известно, что подобные факты имеют место в других говорах. С другой стороны, пермская фитонимия, несомненно, вступает в отношения омонимии с фитонимией говоров других регионов России. К примеру, лексема *крова'вник* в разных диалектах может обозначать тысячелистник (волог., арх.), горицвет смолистый (зап.), зверобой (урал.)⁶, девясил (перм.).

Материалы, привлеченные к исследованию и послужившие в качестве иллюстраций отдельных положений в данной публикации, несомненно, демонстрируют огромное богатство, скрывающееся в русских диалектах. Собранные лексемы могут послужить основой множества научных исследований, едва ли не каждый из выдвигаемых тезисов в конечном счете может послужить толчком для проведения той или иной работы. При этом отметим, богатство материала предполагает многообразие подходов при анализе языковых фактов.

Для примера обратимся к такому аспекту, как анализ фитонимов со значением цвета.

Не вызывает сомнения тот факт, что и такое, вполне традиционное по тематике исследование при избрании определенного подхода к материалу может дать весьма ценные *новые* результаты. Особенно важно это в настоящее время, когда ученые обращают всё большее внимание на данные языка "как отражение" языковой картины мира, "как зеркало" особенностей менталитета. Тем самым подобное, описательное, исследование может перерасти в этнолингвистическое.

Как уже хорошо известно, слово является источником разнообразнейшей информации о мировидении того или иного народа, начиная с жизненно важных аспектов мировосприятия и заканчивая социальными и культурологическими. Важной особенностью оказывается то, что цветковые, звуковые, вкусовые, функциональные качества и свойства предметов и явлений внешнего мира актуализируются лишь в тех объектах, которые вовлекаются в сферу познавательной и практической деятельности человека и которые представляют для него жизненную или социальную ценность. В результате взаимодействие человека с окружающим миром приводит к формированию *ценностного* видения мира.

Важным ориентиром в оценке предметов и явлений выступает важное свойство материального мира — цвет, воспринимаемый как осознанное зрительное ощущение. Не случайно, что названия многих оттенков произошли от наименований тех объектов, окраска которых является их отличительной чертой (розовый, малиновый, вишневый, изумрудный и т.п.).

Важными в этой связи представляются такие высказывания исследователей: "Велика роль цвета в жизни и деятельности людей. Действие цвета обуславливается как его непосредственным физиологическим влиянием на организм человека, так и ассоциациями, которые вызывает тот или иной цвет на основе всей предшествующей практики человека. Одни цвета успокаивают нервную систему, другие, наоборот, раздражают" [6, с. 5]; "Цветовое восприятие трудно выразить словами, но человек может о нем говорить, так как умеет связывать свои зрительные категории с определенными универсальными, доступными человеку образцами (моделями). Такими моделями могут быть *огонь*, *солнце*, *растительный мир*, *небо*, *день* и *ночь*. Цветообозначения связываются с обыкновенными — но меняющимися — видимыми чертами окружающей человека среды и зрительных впечатлений" [7, с. 285].

В связи со всем, сказанным выше по этому вопросу, целесообразным представляется классифицировать анализируемый материал по признаку *основного* цвета. В данном случае актуализируется именно это понятие, в силу того, что нередко мотиватором является не именно тот цвет, который представлен в номинации, а его оттенок. Так, наряду с базовыми цветами (черным, белым, красным, зеленым, желтым) в названиях растений реализуются их оттенки, например розовый, золотой, рыжий и др., в числе которых наибольшую значимость приобретает лишь один — голубой, имеющий, как известно, особое положение в сфере восприятия мира русским народом.

По этой причине группы лексем, обозначающих объекты растительного мира, были расширены. В частности, это связано с тем, что в качестве названий основных цветов были выбраны литературные варианты, хотя в диалектах сохраняются (нередко в качестве равноправных) иные цветообозначения с синонимичным

⁶ Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Кортусы — Куделюшки. Л., 1979. С. 264-265.

значением. Так, например, в группу *красного* цвета, помимо слов с корнем *-крас-*, *-красн-*, включены также лексемы с корнем *-черем-*, в группу *желтого* цвета — слова с корнем *-золот-*, *-огн-*, *-гор-* (ср. глагол *гореть*).

Итак, классификация фитонимов по признаку цвета:

- 1) Группа красного цвета: *кра'сива* 'кора ивы' (Сукс.), *краси'льная кора* 'кора ивы' (Сукс.), *краснокорёнка* 'зверобой' (Усол.), *ро'зовка* 'зверобой' (Куед.), *красну'ха* 'рябина' (Очер.), *красный клеверок* 'клевер' (Сукс.), *черёмуха* (все районы), *черёмушка* 'черемуха' (Окт.), *черемха* 'черемуха' (Солик., Черн., Юрлин., Добр., Берез.), *череми'шня* 'черемуха' (Сукс.), *черемча* 'черемуха' (Очер.), *чремиши'на* 'черемуха' (Осин.), *черемо'жник* 'лес с преобладанием черемухи' (Нытв.), *черему'шник* 'лес с преобладанием черемухи' (Нытв.), *черему'шник* 'лиственный лес' (Нытв.);
- 2) Группа черного цвета: *че'рень* 'ягоды черемухи' (Очер.), *чёрная черёмуха* 'черемуха' (Черд.), *черни'ка* (все районы), *черни'ца* 'черника' (Сукс., Черд., Добр., Очер.), *черниина* 'черника' (Сукс., Добр., Черд.), *черни'га* 'черника' (Черд., Добр., Чайк., Усол.), *чернени'ца* 'черника' (Лысьв.), *черни'жница* 'черника' (Част.), *черни'ченка* 'черника' (Берез.), *черни'чник* 'заросли черники' (Нытв., Усол., Очер.), *черни'жник* 'заросли ягод черники' (Част., Черд., Добр., Усол., Чайк.), *черноды'рка* 'лопух' (Добр.), *черноле'сье* 'смешанный лес' (Окт.), *черноле'сье* 'старый лес' (Окт.), *черноле'сье* 'хвойный лес' (Берез.), *чёрный лес* 'хвойный лес' (Берез.);
- 3) Группа белого цвета: *бели'ца* 'ромашка' (Очер.), *белогла'зка* 'ромашка' (Сукс., Черд.), *белоце'т* 'ромашка' (Добр., Черн., Черд.), *белоголо'вник* 'клевер' (Част., Добр.), *белый клеверок* 'клевер' (Сукс.), *белоко'рка* 'полынь' (Черд.), *неве'ста* 'черемуха' (Сукс.);
- 4) Группа голубого цвета : *голубе'ц* 'василек' (Черд.), *голубоце'тник* 'василек' (Добр., Очер.), *голуби'ка* (Добр., Усол., Очер., Чайк., Краснок., Част., Очер., Окт., Нытв., Берез., Лысьв.), *голубни'ка* 'голубика' (Юрлин., Добр., Перм.), *голуби'чка* 'голубика' (Солик., Черд., Добр., Краснок.), *голуби'чина* 'голубика' (Чайк.), *голуби'ца* 'брусника' (Част.), *голуби'чник* 'заросли голубики' (Черд., Добр., Куед., Усол.), *голуби'жник* 'заросли голубики' (Част.);
- 5) Группа желтого цвета: *горице'т* 'девясил' (Нытв., Окт., Очер.), *горице'тка* 'девясил' (Перм.), *золота'рник* 'девясил' (Черд.), *золоту'ха* 'ягоды черемухи' (Черд., Перм.), *огонёк* 'одуванчик' (Солик.);
- 6) Группа зеленого цвета: *зе'лье* 'трава' (Перм., Куед., Окт., Черд., Ильин., Берез.), *зе'лень* 'трава' (Черд.), *зель* 'трава' (Черд.), *о'зель* 'трава' (Черд.), *зе'лень* 'незрелая ягода' (Черн., Осин., Берез., Нытв., Юрлин., Ильин., Берез., Част., Добр., Очер.), *зелене'ц* 'незрелая ягода' (все районы), *зелени'ца* 'незрелая ягода' (Сукс.), *зелёная ягода* 'незрелая ягода' (Краснок.).

Как видим, число корней слов, используемых для обозначения цвета, невелико. Значительное разнообразие лексического материала достигается в основном за счет формальных вариантов (как следствие широкого применения различных аффиксов).

В ряду наименований, характеризующих то или иное растение по оттенку части растения (соцветия, корня, стебля, листьев, коры, древесины, плодов) ярко выделяется такое название, как *невеста* 'черемуха', образное по своей природе, отражающее поэтический склад ума русского крестьянина.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в названиях растений, вне всякого сомнения, особое значение приобретает понятие *черного*: оно явно перерастает за границы простой констатации факта окрашенности растения или его части в самый темный из цветов. *Темный* в данном случае связывается дополнительно (по ассоциации) с суеверными представлениями, поскольку в сознании народа в этот концепт включается и понятие зла (ср.: фразеологизм "*темные силы*", пословицу "*чужая душа — потёмки*", фразу из стихотворения А.Блока "Скифы" "*Нас тьмы, и тьмы, и тьмы*" — и *чернолесье*, *чёрный лес*, *чернодырка* 'лопух').

Поскольку растения имели такое важное значение в жизни человека, вполне естественен факт, что фитонимы нашли широкое отражение в именах собственных, в частности в названиях населенных пунктов. И в этой связи необходимо констатировать, что в ойконимы попадали, как правило, названия тех растений, которые наиболее распространены на территории, прилегающей к поселению.

Зафиксированные в географических названиях фитонимы составляют ряд лексико-семантических групп, в том числе: названия растений (ср.: *Березины*, *Березы*, *Березята*, *Вязовка*, *Вонявкин* < *вонявка 'название растения', *Ёлки*, *Еловский*, *Заосиновский*, *Калганы* < *калган 'растение *Alpinia galanda*', *Калинки*, *Камыши*, *Капустятская Одина*, *Кипреева*, *Клеверка*, *Кленовчана*, *Кленовый Мыс*, *Коноплева*, *Красносмородинский*, *Липовая Гора*, *Липогорки*, *Лисвенка*, *Малиновая Гарь*, *Марковкина*, *Моховая*, *Овсянки*, *Ольховский*, *Ореховка*, *Верхняя Осинка*, *Осокино*, *Папоротка*, *Пиканова* < *пикан 'борщевик, стебли которого употребляют в пищу', *Пихтина*, *Подсосновка*, *Пучкина* < *пучка 'сибирский борщевик, лекарственное растение *Angelica Archangelica*', *Редькина*, *Репин Лог*, *Рогозята* < *рогоз 'болотное растение *Typha*', *Рясина*, *Смородинский*, *Сель Сосен*, *Тополята*, *Хмелевая*, *Черемухина*, *Черемшанка* < *черемша 'растение *Allium ursinum*, дикий чеснок', *Чеснокова*, *Шипицына* < *шипница 'шиповник', *Шипичная Гарь*, *Цветы*) или их частей (ср.: *Вицина*, *Еловый Сук*, *Комелькова*, *Комли*, *Коченята* < *кочен, кочень 'кочан капусты', *Кочни*, *Кряжева*), плодов (ср.: *Костицина* 'ягода костяника', *Малинкина*, *Орехова*, *Семячков*, *Шишки*); географические термины, обозначающие более или менее значительные территории, занятые называемым растением (ср.: *Березники*, *Березняки*, *Вольхняк* < *ольха, *Липняг*, *Малинник*, *Морковник*, *Орешник*, *Осинник*, *Осинники*, *Гарь в Осинниках*, *Верхний Осиновик*, *Пихтовик*, *Пихтарь*, *Пихтари*, *Пихтовник*, *Репище*, *Рябинники*, *Сосняг*, *Сосняк*, *Хмельник*, *Чепыженский* < *чепыжник

‘частый кустарник, непроходимая чаща’, чапыжник ‘растение *Caragana frutescens*’). Ряд названий поселений отражает поэтичность мировосприятия народа (ср.: *Незабудка*, *Фиалки*). Значительная часть названий проникла в топонимию посредством антропонимов (прозвищ). Некоторые из названий фитонимов, зафиксированных в ойконимах, имеют иноязычное происхождение (ср.: *Чепыженский* < коми чапыштны ‘царапнуть’).

Итак, исследованные фитонимы демонстрируют необычайное богатство русских говоров. Прежде всего это выражается в разнообразии зафиксированных лексем с точки зрения сферы употребления: в числе фитонимов выделяются общерусские, общерусские диалектные и региональные (собственно пермские) диалектные названия. Ведущими оказываются общерусские лексемы.

Исследование данных языковых единиц с точки зрения способа номинации показывает, что, помимо наименований в прямом значении, выделяются названия с переносной семантикой (метафорические и метонимические), над первичными названиями очевидно преобладают названия вторичные (мотивированные). Связываются эти факты с прагматической стороной номинации: легче запоминаются те фитонимы, которые имеют конкретные ассоциативные связи, а как следствие, верно идентифицируются, а затем и используются растения именно с такими названиями.

Мотивирующими могли выступать различные признаки, свойства и т.п. растений, например цвет, функция, форма листьев, вкус, свойства, имеющие практическое применение (в частности, лечебные) и др.

Более глубокое изучение фитонимов в том или ином аспекте дает возможность рассматривать данные названия не только как факт языка, но и как факт жизни народа: позволяет на основе привлеченного материала вычленять наиболее существенные для русского крестьянина понятия (концепты), определять особенности мышления, психологии, менталитета русского человека. В настоящей статье мы попытались продемонстрировать это на примере фитонимов со значением цвета.

Косвенным свидетельством того, насколько значимы растения в жизни человека, отражением богатства лексики этой тематической группы служат названия населенных пунктов (ойконимы), в которых оказались зафиксированными подобные слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лексический атлас русских народных говоров. Проект. СПб., 1994.
2. Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.
3. Кузнецова М.А., Резников А.С. Сказания о лекарственных растениях. М., 1992.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т. 4. М., 1998.
5. Моисеев А.И. Мотивированность слов // Уч. зап. Ленингр. ун-та. № 322. Вып. 68. Л., 1963.
6. Миронова Л.Н. Пространство и цвет в истории культуры // Техническая эстетика. 1998. № 12. С. 4-178.
7. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.